

В творческом архиве писателя всегда есть материалы, находящиеся в различной стадии завершенности. И при жизни писателя всегда есть задел для дальнейшей работы, запас материала. Вот такой запас, состоящий

из отдельных поэтических зарисовок, коротких рассказов, сюжетов, составляет теперь целую книгу.

Александр Яшин мечтал создать книгу стихов в прозе, маленьких рассказов. Есть тут сов-

сем законченны, есть наброски, но всегда написанные рукой художника.

Мы предлагаем небольшую часть таких маленьких рассказов.

Наталия ЯШИНА.

САМОЕ ВРЕМЯ

Счетовод молодого колхоза Иван Михайлович Горчаков и недавно вернувшийся из Красной Армии его сын Павел с утра ходили по праздничному осеннему базару в районном городке. Накануне отец поведаль сыну о своих планах: что там ни пишут, а в коммунизм переходить пора.

Павел не узнавал родного города. Не узнавал не потому, что, когда он уезжал в армию, город был весь в снегу, а теперь он увидел его в зелени, и не потому, что после бескрайних украинских степей и широких улиц новой Москвы все здешнее стало казаться необыкновенно маленьким, затерявшимся в сосновых трупцах — поля, что лесные залячи полянки, районные двухэтажные здания, что избышки на курьих ножках, церкви, что могильные склепы, не больше — нет, не потому. За четыре года с городишком случилось что-то такое, что сразу ощущалось, но не сразу можно было осознать. Смотрит Павел, слушает и не понимает: все знакомое, да не старое, то, да не то. Город по-прежнему маленький, но не провинциальный. Изменился шум города, изменилось дыхание его.

На базарной площади по-прежнему ржут лошади, рыкают коровы, но нет-нет да и рывкнет откуда-нибудь автомобильный рожок. Играют гармони, но не тальянки с колокольчиками, а венки, и песни не те, не старые. Из трех церквей две закрыты. В бывшем соборе приемный пункт для зерна нового урожая. У палисадника стоят подводы и тут же, в очередь, грузовики, доверху заполненные мешками с хлебом. На кузове одного грузовика огромными белыми буквами выведено: «Собственность колхоза «Ясное утро». У входа в храм работают две сортировочные машины. А церковь на базарной площади звонит во весь свой единственный колокол — сзывает к заутрене.

Иван Михайлович замечает радостное волнение сына и, вспомнив предыдущий спор, одергивает подол вышитой рубашки, расправляет шелковые кисти пояса и начинает хвастать.

— Тут, браток, мы без тебя такое наделали, что не приведи господь. Можно сказать, весь мир на ноги поставили. — Да!.. — мычит в раздумье Павел. — Что же вы такое наделали?

Молодые хохотали да притопывали, а стариков в дрожь бросало. Тогда начальство взяло да песком все крестики и засыпало. Хороший мост, долго служить будет. То-то!

— Да! — сказал Павел.
— Вот и я говорю: да! — подхватил Иван Михайлович. — Ты, можно сказать, поживи — и не то увидишь. Все изменилось. У жизни все нутро навыворот. Колхозы, браток, и так и эдак действуют. Народ совсем другой стал.

Иван Михайлович снова начал хвалиться своей землей, полями, дорогами. Казалось, он сейчас скажет: все это я выдумал.

— Как только зажили мы в одну душу, одной думой, тут все это и начало обстраиваться. Лес был — дома выросли, пустошь лежала — рожь зреет. Народ у нас теперь такой, что самое время с таким народом в коммуны идти. И пойдем! Первые пойдем...

— Что-то спешишь, тятя, очень торопишься. Душу надо сперва переделать, — сказал Павел.

— Душу переделать? Душа, браток, у нас ныне как стеклышко. Ты погляди только, что люди делают! А застаиваться нам долго нельзя — закиснем.

Павел думал, как лучше ответить отцу, но в это время дорогу им преградила подвода, нагруженная гончарной работой, и он, не имея больше охоты спорить, решил воспользоваться предлогом и замолчать.

Через глубокую рытвину, полную загустевшего глиняного теста, с ревом прошла автомашина. Ринувшаяся за ней лошадь застряла в грязи всеми четырьмя колесами. Возчик — немощный безбородый мужичонка — дернул ее за узду, крикнул раз, крикнул два, лошадь рванулась, но вытянуть телеги не смог. Тогда он перебежал назад, взялся за спицы колеса, крикнул снова, поднатужился — колесо повернулось, залепив его грязью, а телега ни с места. Возчик занервничал, взял с горшков кнут и резко стегнул коня по волосатым ногам. Лошадь всем корпусом подалась вправо, потом влево, передние колеса начали выходить из ухаба, но тотчас же скатились обратно.

Толпа народа, подождая, когда будет освобожден проход, стала обходить подводу по обеим сторонам дороги. Кто-то выругался:

— Ишь, где раскорячился, пентюха! Ни пройти ни проехать. Давай, проваливай, не мешай народу.

Появились любопытные, остановились. Остановился и Иван Михайлович.

КОРОТКИЕ ЗАПИСИ

Чтобы избавиться от него, который везде, всюду, всем причинял только убытки, его решили сплавить из района в область, на курсы... Полную характеристику он не принял: «Не поеду!». Тогда дали ему неполную — отличную характеристику. И он остался «номенклатурным».

14 января 1956.

Его смешали с грязью, заплывали перед всем честным народом, казалось, что выгонят, но оставили в качестве заместителя, и он сначала оробел, притих, но скоро удовлетворился этим, ожил, был со всеми хорош, удобен, не потерял оранки, умело признал ошибки и покаялся. И его снова стали поднимать.

31 августа 1956.

Прямолинейный, честный, всюду сующий свой нос, не щадящий даже начальников. «Лучше держаться подальше от него!».

А. Г. снят с работы в Сталинграде, и вот он стал начальником главка в Москве.

Приезжий долго добивался к нему на прием и вдруг видит перед собой товарища по институту Сашку — приятного, но не одаренного, покладистого, но беспринципного — и расхохотался:

— Вот кто у нас в министерства идет!

Сентябрь 1956.

Две собаки с ожесточенным злобным лаем несутся вдоль ограды, забора — с одной и с другой стороны, — изображая драку. А отверстие есть и большое, но ни та, ни другая не замечают его, делают вид, что не замечают.

Щенок высунулся в это отверстие в заборе и удивленно смотрел на собак: почему же они не хотят подраться всерьез.

Ноябрь 1956.

Солнце еще не взошло, но облака по всему небу, на все четыре стороны подкрашены его лучами, будто восход начи-

— Да вот две церкви закрыли. В одной — зернохранилище, в другой — кинотеатр. Теперь, можно сказать, они стали народу служить.

— А народ как?

— А я тебе не народ? Видел — у нас в деревне: свинью зовут Богородицей, а барана — Батей. Вот тебе и «народ как». Нечем было скотный двор застеклить — районщики подвели, наш народ покумекал, да и приказал обезоружить все иконы в часовне. Скот нынче, можно сказать, за святыми стеклами живет. А сколько машин в полях — видел? А дорогу видел? То-то!

Иван Михайлович гордо выпячивает грудь и поминутно одергивает рубашку. Вид его напоминает мальчишку, который закрутил у крыльца дождевой ручей, поставил самодельную мельницу и прохожим говорит: все сам выдумал.

Павел покосился на отца, так же одернул свою красноармейскую гимнастерку и стал смотреть вдаль.

На площади в два ряда стоят ларьки потребкооперации и колхозов. Девушки в шелковых кофточках с оборками, в юбках с воланами из самого яркого сатина, толпами — шумные, как на смотринах, разноцветные, как белаганы на колесах, переходили от ларька к ларьку, рылись в игрушках, в мануфактурной завали. Мужики толкались больше у шорных изделий. Колхоз «Зеленый берег» торговал с автомашины садовой клубникой: кружка — полтина.

Базарная площадь находилась на высоком берегу реки. Бросишь, бывало, камень с обрыва, он долго летит вниз, как ласточка, а упадет в воду и звука не слышно. Вдалеке, на берегу, где года четыре назад был пустырь, высились столбы качелей, на площадке играли в футбол. А над рекой вместо немудрой лавы, игровую каждую весну лед ломал и уносил в Северную Двину, стоял мост — настоящий, каменный, на двух широколобых быках. Похоже было, что с обеих сторон подступы к мосту устланы темным гранитом.

— Где они плитняку набрали?

— Какого плитняку? — спросил Иван Михайлович. — На мосту? Это, браток, усопшее купечество доставило. Кладбище переносили, ну, а старинные плиты — куда же их? — давай на мост. Так народ порешил. Первое время ходили по мосту и читали: «Здесь покоится с миром благодетель города купец второй гильдии, лен и конопля...», «Упокой, господи, душу раба твоего иеромонаха Серафима...».

— Экая паршивая лошадевка у тебя, браток, — сказал он возчику. — Из какого колхоза будешь?

Гончар ничего не ответил, но, видимо, оскорбившись, вдруг ожесточенно молча начал бить лошадь кнутом по ногам, по спине с продергом. Кнут свистел, лошади то отступала, то рвалась вперед, в стороны; скрипел хомут, скрипела вся упряжь, но телега скатывалась обратно в грязь, в яму. Тогда мужик взвизгнул и хлестнул лошадь кнутовищем по голове. Она зажмурилась, резко вскинула голову, стукнулась мордой о запряг и заржала. Мужик продолжал ее бить, зло, с выходом, но лошадь, переступив задней ногой за оглоблю, больше не порывалась вперед, а стояла и лишь убирала голову и жмурилась.

Народ начал негодовать.

— Ты что, очумел? Колхозного коня уродуешь. Откуда такой? Чья лошадь?

Кто-то даже посоветовал:

— Надо его самого кнутовищем стукнуть и послушать, что запоет.

Иван Михайлович весело поглядел на сына.

— Видал?! Животину никому в обиду не дадут. Вот какой народ стал. Понимают: кол-хоз-на-я! — И продолжал стоять.

Гончар перекинул кнут на спину лошади и опустил руки.

— Что же мне делать?

— А вот что надо делать, — сказал Павел, одернул гимнастерку и посмотрел на отца и на проходящих мужиков. — Давай, Иван Михайлович, засучивай рукава. Подходите и вы: ты, дядя, становись, и ты еще — кто помоложе. Старик, отойди! А ну, беритесь. Хозяин, выправь ногу у лошади-то. Так... Взяти!

Мужики навалились, гончар подхватил лошадь под уздцы, она рванулась — взяли! — и телега пошла.

— Рано в коммуны, Иван Михайлович! — сказал Павел отцу, когда они подходили к следующему дому.

1939 г.

нается сразу всюду, во весь небосклон — на востоке и на западе, на севере и на юге.

4 февраля 1957.

ЛИПОВЫЙ МЕД

В колхозе есть пасека, есть пасечник и его помощник. Трудодни начисляются, ульи роятся, а меду нет, его никто не видит.

1961 г.

Я живу на сосновом, на гривистом, на обрывистом берегу, где поют соловьи так заливисто, что и в полночь спать не могу. В небе ели и сосны неистовые. И ничего наполовину. Если ветер, то с пересвистами, тишина — так во всем, и без дна глубина.

17 октября 1964.

ТЯЖЕЛА ТЫ, ЛАПА ДЖИНА

— Каковы виды, Джин, на охоту?
— Доживи до весны — дело не за мной.
— Будут утки? — спрашиваю.
— Будут! — говорит. — Только не загнись.
— Ну, давай лапу! Вот тебе порука, за мной дело не станет.

— Дело не за мной...
— Поохотиться бы хоть разок с тобой. Тоскую об охоте.
— Продержись до весны.
— Плохо, Джин, зимой?
— Плохо, старина.
— Дело не за мной, подошла б весна. Подождем до весны, может лучше будет, мы еще побродим... Переждем зиму. Лапу Джину жму:
— С Новым годом, Джин!

31 декабря 1964.

ВЕРХОГЛЯД

Рассеянность, отсутствие сосредоточенности на чем-либо. А он всю жизнь по сторонам, да по верхам глядел. Хотя бы раз взглянул в себя, в глубину. Не может быть, чтобы ничего он там не увидел.

26 мая 1966.

НА ТОКУ

Выжидал, не трогал первого петуха. Тетерка села на шалаш, так хотелось цапнуть ее за ноги — удержался. На другое утро опять пляшет один петух, только один. Чуть подальше другой ток, там несколько черных пятен. Здесь один. Зачем вредить природе... И вдруг налетел тетеревайтник, сгреб петуха и унес.

Вот и весь рассказ.

1967.